

КАТАКОМБНОЕ НАСЛЕДСТВО: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ МИФ

*Работа представлена межфакультетской кафедрой истории Отечества
Дагестанского государственного университета.
Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор А. Г. Далгатов*

В настоящей статье рассматриваются вопросы взаимоотношения Русской православной церкви с подпольными религиозными организациями.

Questions of mutual relations of the Russian Orthodox Church and underground religious organizations are considered in the article.

В последнее время оживились поиски «здоровой альтернативы Московскому патриархату». Как правило, в качестве претендентов на эту роль выступают «катакомбники»¹ и их возможные преемники. В публицистике 1990-х гг. понятие «катакомбы» объединяет разнородные явления церковной истории XX в.: 1) церковно-политическая оппозиционность руководству Московской патриархии, прежде всего – местоблюстителю и патриарху Сергию (Старгородскому), издавшему в 1927 г. «декларацию о лояльности» советской власти; 2) нелегальность с точки зрения советского законодательства отдельных церковных групп; 3) последовательная «антисоветская» настроенность членов таких групп.

Подобное определение «катакомб» в своих монографиях дают различные авторы, глубоко изучающие эту проблему, среди них: Далгатов А. Г., Шкаровский М. В., Китер Н. и другие, которые при упоминании о «катакомбах» обращались, как правило, к примерам деятельности духовенства, оппозиционного митрополиту Сергия.

Знаменательно, что обращения главы РПЦЗ митр. Антония (Храповицкого) к церковному подполью в СССР с призывами примкнуть к Карловацкому Синоду известны нам по материалам следственных дел² и если не полностью инспирированы карательными органами, то, во всяком случае, появились как нельзя кстати для них,

позволив чекистам сфабриковать не одно расстрельное дело. Впрочем, способствовала мифологизации «катакомб» и отечественная историография. Советские исследователи в рамках этого понятия описывали, как правило, сектантские группы, воспринимавшие советскую власть как власть антихриста.

В таком виде понятие «катакомбы» дожило до «перестройки» и тут оказалось востребовано как средство легитимации церковных групп, «альтернативных» Русской православной церкви Московского патриархата. Одновременно с претендентами на роль единственных наследников возникла проблема «катакомбного наследства».

Важным пунктом идеологии «катакомбников» являлся категорический запрет на вступление в совхозы и колхозы (колхоз представлялся ими как «Антихристово учреждение», образующее новую форму жизни и способствующее поклонению дьяволу) и несение государственной службы³.

Первой свои права на него заявила группа «митрополита» Иоанна (Береславского), известная как Богородичный центр. Недавно эта тема снова привлекла внимание в связи с выступлениями суздальской группы. Иногда описанное понимание «катакомб» обосновывается тем, что оно стало самоназванием подпольных, антисоветских, противостоящих Московской патриархии групп, не отвечавших данному оп-

ределению. Так, протоиерей Глеб Каледа, будучи принципиальным сторонником линии митр. Сергия, в личном разговоре в начале 1990-х гг. называл восемнадцать лет своего подпольного служения пребыванием в катакомбах. Он писал: «Храмы закрывались, но появлялись катакомбные церкви. Они были двух типов: одни не признавали местоблюстительства митрополита Сергия, а другие признавали, а сам митрополит Сергей одной рукой подписывал свои декларации, а другой рукой посвящал ставленников для подпольных храмов»⁴. Как видим, здесь слово «катакомбы» употребляется как технический термин – синоним красочности, но, как увидим, больше согласуется с реальной жизнью церкви в советское время.

Собственно, о подполье мы можем говорить только с 1929 г., когда в связи с изданием Постановления ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях», требовавшего обязательной регистрации религиозного объединения или группы, мы можем уверенно говорить о незарегистрированной группе как перешедшей на нелегальное положение. С этого момента отказ от регистрации становился сознательно избранной позицией. 1929–1939 гг. отмечены государственным курсом на физическое уничтожение церкви, на дискредитацию ее деятелей. Для церкви это был период сопротивления, и подполье оказалось одной из ключевых и наиболее естественных его форм. Главной целью было сохранение церковной жизни; как говорил один из современников: «Жизнь Церкви уходила в подполье. Не сама Церковь, но жизнь, деятельность ее»⁵. В «катакомбах» оказывались не только приходы, но и монастыри, учебные заведения, церковная благотворительность, – все те формы церковной жизни, которые наиболее жестко преследовало советское государство. Отношение к подполью не следовало напрямую из церковно-политической ориентации церковных течений. «Иосифляне», последовательные противники руководства Московской

патриархии в лице митр. Сергия, часто действовали в рамках зарегистрированных приходов, имели легальных епископов. Так, харьковского «иосифлянского» епископа Павла (Кратирова) «вызвали в ОГПУ, спросили об отношении к декларации митр. Сергия и разрешили делать выезды для служения в храмах, которые к нему присоединятся. Власти до определенных пределов пытались ослабить Русскую Церковь».

В свою очередь Московская патриархия считала целесообразным существование «сергианского» подполья. В 1928–1935 гг. в Москве под покровительством настоятеля Высоко-Петровского монастыря епископа Варфоломея (Ремова), одного из помощников митр. Сергия, складывается и крепнет сеть подпольных монашеских общин, общая численность которых в начале 1930-х гг. достигла 170–200 человек. В 1933–1936 гг. в Средней Азии возник подпольный монастырь архимандрита Гурия (Егорова), убежденного последователя митр. Сергия. На создание своего монастыря архимандрит Гурий получил благословение легального епархиального архиерея – митр. Арсения (Стадницкого). Духовные дети о. Гурия, так же как члены московских общин, работали в государственных учреждениях, принося свой заработок в общую кассу кинобии. Ученик архимандрита Гурия вспоминал: «Мы жили удивительной жизнью: с одной стороны, глубоко церковной, с другой – активно-гражданской. До сих пор я считаю такое соединение самым лучшим»⁶. Как видим, члену подпольной общины не обязательно было быть ярким антисоветчиком, гражданственность успешно сочеталась с катакомбной церковностью.

Так в двух измерениях – легальном и подпольном – существовали все значительные церковные группы 1920–1930-х гг. вне зависимости от их церковно-политической позиции, за исключением обновленцев и григориан (действовали только легально) и таких сектантов-маргиналов, как фодо-

ровцы (действовали только в подполье). 1939 г. можно считать условным рубежом в церковно государственных отношениях. Курс на полное уничтожение остается в прошлом; церковь становится одним из факторов государственной политики как внутри страны (патриотическая деятельность во время войны), так и в международных делах (обеспечение «прикрытия» «в период, когда США имели монополию на ядерное оружие»⁷). А власть идет на выполнение требований церковных деятелей: открываются храмы, монастыри, церковные учебные заведения. Оказывается возможным «торг» между государством и церковью об объеме его уступок. В этой ситуации подполье становится одним из факторов церковно-государственных отношений.

В 1940-е гг. подполье выступило и как кадровый резерв легальной церкви. На открытое служение выходили многие священники и епископы. В 1944 г. из подполья вышли насельники среднеазиатского монастыря архимандрита Гурия; сам он был назначен заместителем Троице-Сергиевой лавры – первым после ее открытия.

Интересно, что Московская патриархия пыталась легализовать и другие виды подпольной деятельности. В 1949 г. Синод обращался, правда неудачно, к Совету по делам Русской православной церкви с просьбой разрешить институт «разъездных священников», «что необходимо диктуется крайним развитием сектантства во многих Епархиях». При положительном ответе через этот институт получили бы признание властей нелегальные богослужения легальных священников. Различной в эти годы была судьба групп, оппозиционных Московской патриархии. Часть из них, например последователи епископа Афанасия (Сахарова) и идеолога патриархом Алексием «Упорствующим» окончательно перешли на нелегальное положение. Их идеология постепенно сближалась с идеологией «антисоветско-эсхатологических» движений. Эти группы более всего соответствовали

определению «катакомб», приведенному в начале статьи. Однако не следует думать, что они представляли собой единую все-союзную «катакомбную» сеть. В лучшем случае в каких-то регионах они имели почитаемого лидера, который обладал скорее духовным, чем административным авторитетом.

Сведения о соборах «катакомбников», якобы регулярно собиравшихся в 1930–1980-е гг., исходят лишь из одного источника – трудов архиепископа Амвросия (Сиверса). Достоверность этих сведений вызывает у специалистов большие сомнения (например, известный историк оппозиционного подполья, биограф непримиримого критика Московской патриархии епископа Варнавы (Беляева) П. Проценко называет «деяния» «катакомбных соборов» «чистой мифологией». О самих подпольных общинах «не поминающих» он говорит: «Это не была организация, и никто из них никогда не слышал о «катакомбных соборах» и не руководствовался их «канонами»⁸).

На рубеже 1940–1950-х гг. церковная политика властей вновь претерпела изменения. Советский Союз теперь обладал ядерным оружием, а в партийном руководстве к власти рвались коммунистические догматики, для которых социализм не мог сосуществовать ни с какими «религиозными пережитками», а значит – и с прагматической политикой по отношению к церкви. 1950–1980-е гг. ознаменовались новым витком гонений – более изощренных, чем в 1930-е. Церковь перешла к обороне; подполье перестало быть фактором церковной политики, но, как и в 1930-е, осталось способом сохранения церковной жизни. Как и в прошлые годы, подполье, верное Московскому патриархату, сохраняло связь с его легальными епископами и клириками и было реальной частью патриаршей церкви. В этот период по пути тайного священства шли люди, для которых семинария и регистрация в Совете по делам религий по тем или иным причинам были закрыты: ученые, члены религиозных подпольных

кружков. Этот тип подполья просуществовал до начала 1990-х гг.

Итак, пестрая картина церковной жизни XX в. не укладывается в заранее установленную схему. В ушедшем столетии русские «катакомбы», «катакомбная церковь» – это не только явление оппозиционности Московской патриархии, но и подпольные общины, весь советский период бывшие частью патриаршей церкви. Нужно или признать «катакомбное наследство» мифом, или допустить к его разделу Московскую патриархию, которая (хотя и не заявляет претензий на его часть) имеет на него не меньшие права, чем отдельные подпольно-оппозиционные группы.

В заключение – одно замечание по поводу того, какой могла бы быть «катакомбная церковь», окажись она реальностью. Согласно сообщению зарубежной печати 1949 г., в 1937 г. на одной из иркутских пересылок случайно состоялся мини-«собор»

«катакомбников», участники которого провозгласили, что все оппозиционные группы «суть живые ветви Церкви Христа», и осудили тех, «кто считает себя самой Русской Церковью, а не ее ветвью» (т. е. последователей митрополита Сергия)⁹. Но если считать его таковым, надо признать, что люди, считавшие себя православными, буквально повторили содержание одного из важнейших экумениологических учений европейского протестантизма – так называемой «теории ветвей»¹⁰. Ну, видимо, не случайно федоровцы (одна из старейших «катакомбных» «антисоветско-эсхатологических» групп) не держат в своих киотах икон Божьей Матери. Как и у протестантов, у них нет потребности обращаться к Ней в молитвах. Так что ищущим в «катакомбах» «интеллигентное» (по сравнению с Московской патриархией) православие надо иметь в виду: в отличие от «интеллигентности» православия там может не оказаться.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Нелегальная церковно-политическая оппозиция антисоветски настроенных членов группы.

² См., например: *Шкаровский М. В.* Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999. С. 31, 102, 160.

³ *Далгатов А. Г., Лейкин А. Я., Крапивин М. Ю.* Судьбы христианского сектантства в Советской России. СПб. 2003. С. 87.

⁴ *Протоиерей Глеб Каледа.* Очерки жизни православного народа в годы гонений (Воспоминания и размышления) // Альфа и Омега. 1995. № 3(6). С. 139–140.

⁵ *Китер Н.* Православная Церковь в СССР в 1930-е годы // Церковно-исторический вестник. 1998. № 1. С. 58.

⁶ *Митрополит Иоанн (Вендланд). Князь Федор (Черный). Митрополит Гурий (Егоров):* Исторические очерки. Ярославль. 1999. С. 117–118.

⁷ *Васильева О. Ю.* Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М. 1999. С. 207.

⁸ *Проценко П.* Миф об «истинной церкви». Кому нужна легенда о мощном «катакомбном» движении советских времен? // НГ-религии. № 2(25). 27 января 1999. С. 6.

⁹ *Далгатов А. Г.* «Оппозиционная религиозность» в Советской России. СПб. 2002. С. 37.

¹⁰ Ср.: «Православию чужда так называемая «теория ветвей», согласно которой все существующие христианские деноминации являются ветвями одного дерева». *Иеромонах Илларион (Алфеев).* Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие. М.–Клин, 1996. С. 136.